

цивилизаций. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000) написаны в контексте философско-историческом и культурологическом и потому страдают повышенной обобщенностью, абстрагированием от конкретно исторического процесса; в них не затрагиваются политико-правовые институты, их развитие, без чего разговор о цивилизациях утрачивает значительную часть смысла.

Перед авторами стояла трудно разрешимая задача – в сжатом, компактном виде дать представление о всем многообразии мировых цивилизаций. Предшественниками настоящего издания подобная задача решалась на путях генерализации, описания идеально-исторических типов культуры, в основу которых клался тот или иной тип мышления. Авторами рецензируемого труда в основу выделения цивилизаций был положен комплекс факторов, в первую очередь, факторы политико-правовой и экономической организации. В данном случае авторы исходили из этимологии термина «цивилизация», производного от латинских слов *civitas* – гражданское общество, совокупность граждан; *cives* – гражданин; *civilis* – гражданский. Этот путь достоин внимания, но едва ли он является единственно возможным.

Рецензируемый учебно-методический комплекс вполне отвечает требованиям жанра. Благоприятное впечатление оставляет глоссарий. Высокой репрезентативностью отличается список литературы.

Что касается содержания курса лекций, то в целом он может быть поддержан. Наиболее оригинальными представляются лекции «Мир варварства», «Ви-

зантыйский таксис», «Индустриальная цивилизация», отсутствующие в учебной литературе такого типа. Несмотря на спорность понятия «варварство», думается, характеристика этой доцивилизационной стадии полезна для уяснения сущности самой цивилизации. При еще большей проблематичности понятия «Византыйский таксис» (речь идет об империи), описание Византыйской цивилизации может быть принято в целом; характеристика этого особого греко-православного мира способна прояснить специфику исторической судьбы России, правопреемницы Византии.

Проблематичным является сохранение трехчленной периодизации – древность, средние века, новое время, в которую укладываются все рассматриваемые авторами цивилизации. Как проблематичным представляется и прогрессистское видение исторического процесса, манифестируемое, хотя и не всегда осознанно, в рецензируемом курсе лекций. Возможна иная типология цивилизаций и иная оценка направленности их развития с точки зрения аксиологических критериев. Впрочем, подобное видение является еще слишком новым, чтобы стать достоянием учебной литературы.

Трудно что-либо сказать о методическом каркасе курса лекций, не обладая опытом в технологии дистанционного образования. Подлинная оценка значимости и эффективности этой части работы выявится только в ходе преподавания.

В целом учебник написан хорошим литературным языком, современно, и его появление можно только приветствовать.

Ю. М. Федоров

Земцов В. Н. Армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001.

Мысль Марка Блока о том, что история – это наука о людях, давно стала аксиомой. Однако люди, «вляпавшиеся (и в гоголевском, и в строго-научном смысле) в историю» не становятся нам яснее и понятнее. Новые поколения историков, устремляясь туда, «где пахнет человечинной», ищут иные подходы, другие темы и неизвестных героев. В последние годы историческое сознание профессионального сообщества историков расширилось за счет количественного умножения изучаемых сюжетов. Особенно часты сегодня обращения к проблеме человеческого поведения как в повседневной жиз-

ни, так и в критические, экзистенциальные моменты. Замечено внимание к механизмам коллективного поведения и нехарактерностям индивидуального выбора, обусловленного личными мотивами. Современный историк чрезвычайно занят изучением человеческого поведения в составе различных устойчивых и быстротечных, оформленных и неформальных, гомогенных и гетерогенных, национальных и интернациональных сообществ. Но есть темы «старые» и, казалось бы, давно раскрытые. История Бородинского сражения является именно таким сюжетом, где после работ

Е. В. Тарле, П. А. Жилина, Н. А. Троицкого и других, на первый взгляд, нечего делать. Но В. Н. Земцов нашел свой собственный поворот данной темы, собственный угол зрения. Ему удалось подойти к старой теме «про день Бородина» с самых современных позиций и тем самым актуализировать событие, «известное всем», и людей, в нем участвующих. В результате появилась очень интересная, содержательная и даже увлекательная работа.

Книга В. Н. Земцова такова, что, характеризуя ее, видимо, все время придется делать оговорки. Начнем со структуры. На первый взгляд, структура работы обычна и традиционна – введение, три главы и заключение. Однако ее архитектоника отнюдь не проста. Каждая глава представляет из себя законченное произведение и имеет сложную композицию, содержа множество разделов, подробно описывающих многочисленные компоненты либо исторической традиции, либо французской армии, либо самого сражения. Например, самая большая, вторая, глава работы содержит 6 больших, распадающихся на части, разделов, а всего частей в главе 24.

Дабы не пересказывать содержание монографии, отметим ее достоинства, к числу которых следует отнести незаурядную эрудицию и работоспособность автора, сумевшего выявить в российских архивах и ввести в оборот несколько сотен писем участников похода наполеоновской армии, а также письма, адресованные им. Труд по прочтению этих манускриптов и извлечению из них информации достоин, конечно, отдельного одобрения. Жаль только, что цитируются они не так часто, как того, несомненно, заслуживают. Помимо рукописных материалов книга написана с привлечением разнообразных печатных источников. В целом источниковая база работы выглядит солидно и основательно.

Во введении автор демонстрирует не только хорошую источниковедческую подготовку, но прекрасное знание самых современных методологических подходов к изучаемому материалу. Называя их и давая им характеристику, В. Н. Земцов отдает приоритет микроистории, пропагандируемой в России основателями альманаха «Казус» — Ю. Л. Бессмертным и М. А. Бойцовым, в одном из выпусков которого ему самому довелось принять участие в качестве автора. Однако и микроистория его, видимо, не вполне удовлетворяет, поскольку он «формулирует собственный метод». Смысл предложен-

ного метода может быть назван непрямолинейной ретроспекцией. Ретроспекцией потому, что исследование начинается в день сегодняшней, с анализа современных представлений, бытуемых у разных народов о Бородинском сражении, чьи предки приняли в нем участие. Этому посвящена первая глава. Непрямолинейная потому, что за анализом, по выражению автора, «исторической памяти», не следует повествование о ходе битвы. О сражении рассказывает глава третья. Глава вторая знакомит читателя с самой Великой армией, с различными аспектами ее жизни: от системы формирования больших батальонов до структуры их питания, солдатских мотивов, идеалов и ритуалов. Хронология здесь нарушена, поскольку армия набиралась, бесспорно, раньше, чем сражалась. Но в построениях В. Н. Земцова есть своя логика, и она имеет право на существование. Он оперирует другими рядами, выделяя вслед, видимо, за некоторыми французскими авторами, процессы большой длительности («народная память»), процессы среднесрочной длительности («исследование социальных и человеческих структур Великой армии») и процессы малой длительности («примарные», «мелкие факты», или действия живого человека «в живом историческом поле»). При этом автор находит возможным для себя соединить макро- и микроисторические подходы, создать, как он пишет, «мостик между конкретным человеком» и «объективными процессами исторической закономерности». Думается, что обрисованная в нескольких фразах методологическая перспектива заслуживает более пространной аргументации. В конце концов, наиболее последовательные приверженцы микроистории эпатажно отвергают самую возможность исторических генерализаций (М. А. Бойцов), а их оппоненты, в свою очередь, заявляют о «невозможности микроистории» (Н. Е. Копосов). Иначе говоря, предлагая связать макро- и микроисторическую логику описания прошлого, автору было с кем и о чем поспорить. Жаль, что он этого не сделал.

Реконструируя память о Бородине, В. Н. Земцов проделал огромную работу, изучив французскую, русскую, немецкую, польскую, итальянскую, британскую и американскую историческую литературу. Автору удалось показать, как формировались и деформировались образы Бородина в разных национальных традициях,

формировались, по его словам, «ловушки национальной памяти». Из работы видно, что интерпретация события детерминировалась участием, соучастием или неучастием предков представителей той или иной историографической традиции в сражении, политическими и идеологическими зигзагами и, следовательно, конъюнктурой, репрезентативным или случайным подбором источников, наконец, национальной предвзятостью или способностью ее преодолеть пишущими о сражении авторами. Автор неоднократно иллюстрирует свои наблюдения за процессом конструирования национальных мифологем, показывая, что в последнее время историков все чаще волнует проблема человеческого измерения, эмоционально-психологический и экзистенциальный фактор войны 1812 г. вообще, и сражения под Москвой в частности. По его мнению, современные исследователи — прежде всего, французские и российские — перестают быть «стороной», все реже «стоят» за спинами «своих» солдат, стремясь к максимальной объективности.

Здесь опять придется на время отвлечься, ибо автор, характеризуя память народов, подчеркивает имеющие место, по его мнению, «деформации» исторических реалий и «антиисторические образы», противопоставляя им «объективные» характеристики небольшого числа членов корпорации профессиональных историков. Заметим, что мифы не нуждаются в защите и не исчезают от порицаний. Одно из открытий герменевтики, подходы которой, судя по введению, использовал В. Н. Земцов, гласит, что текст, или событие живут собственной рецепционной жизнью, и если какая-то интерпретация стала массовой, то она уже не ложная, а истинная, т.е. уже не миф, а правда. Видимо, так можно объяснить факт наличия своих «правд» у французов, русских, немцев, поляков и проч. Текст и событие все время одни и те же и все время другие. К этому можно добавить и мнения ценимых диссертантом постмодернистов, в частности, приверженцев «лингвистического поворота», которые учат, что всякое историописание, включая рецензируемую диссертацию, дает больше свидетельств о времени написания, чем о самом описываемом событии. С этой точки зрения, все претенциозные попытки развести субъективное и объективное, миф и реальность теряют всякий эвристический смысл, а являются простой манифеста-

цией приверженности к избранному курсу.

Глава вторая в работе представляется наиболее интересной. Она превосходит другие по объему, а также выделяется по количеству приведенного материала. В ней содержатся любопытные сведения об элементах преемственности, которые связывали армию Наполеона с армией Старого режима, о порядке комплектования, составе, об удельном весе в войсках французов и национальных контингентов других европейских народов, о межнациональных отношениях, элементах напряженности и о механизмах их нейтрализации. Много места отведено характеристикам вертикальных (солдаты — офицеры — генералы), дисциплинарных (жить по уставу) и горизонтальных (солдатское, офицерское сообщества, гвардия) связей, а также повседневным практикам армии — рационам, маршам, привалам, лагерям, болезням, госпиталям, форме, оружию и т.п. Автор не забывает остановиться на ментальных составляющих наполеоновского солдата, тщательно анализируя представления, символику, культурные коды, восприятие смерти, эмоциональные переживания об оставленных во Франции близких.

В результате исследователь приходит к обоснованному выводу о том, что с момента вторжения в Россию и вплоть до сражения под Москвой армия Наполеона представляла из себя хорошо отлаженный механизм, способный эффективно решать поставленные перед ним задачи. Солдаты обладали высоким уровнем мотивации и были «заряжены» на успех, что позволило им на Бородинском поле «сражаться на пределе своих физических и психологических возможностей». Многонациональная по составу армия представляется В. Н. Земцову аналогом Единой Европы.

Автора интересует человек в истории «в ее минуты роковые». И он постоянно приводит многочисленные свидетельства синтезированных им поведенческих стереотипов. Этому посвящена третья глава диссертации, где детально описываются события и процессы, происходившие в течение одного дня — дня Бородинского сражения. В. Н. Земцов показывает, что силы сторон накануне баталии были примерно равновелики. Наполеон сознательно не стал прибегать к выстраиванию сложных полководческих комбинаций и маневров. «Отказавшись от идеи глубокого обхода, император избрал фронтальный характер боя, ставя главной целью

не отбросить, а разгромить русскую армию», — пишет автор. В условиях, когда упор делался на обмен ударами, когда энергии напора противостояла сила упорства, многое зависело, полагает исследователь, от поступков отдельных людей — военачальников, офицеров, рядовых. Скрупулезно анализируя движения войсковых соединений в ходе битвы, он старается почти с точностью вековщика (задача благородная, но едва ли посильная) просчитать степень воздействия на конечный результат поступков отдельных людей, наступлений и маневров тех или иных частей, ошибок самого главнокомандующего, наконец, просто случайностей. Видимо, полагая, что в истории все детерминировано, В. Н. Земцов пытается найти всему перечисленному причинно-следственные объяснения. Например, в действиях Наполеона он увидел два просчета: отсутствие скоординированности действий руководимой им армии и нежелание ввести в бой гвардию, которые были вызваны, на его взгляд, 4 причинами: 1. Болезнь Наполеона. 2. Недооценка русских войск. 3. Известия о военных неудачах в Испании, полученные накануне. 4. Надежда на скорый мир.

Вывод автора о материальной победе французов под Бородино, опирающийся на расчеты потерь, кажется обоснованным. Отметим как, безусловно, интересный факт приведенные в исследовании цифры убитых и раненых и аргументированную методику их подсчета, а также оценку качества «человеческого материала», использованного в качестве «сырья» обеими противостоящими сторонами. Описывая эмоциональное состояние воинов Великой армии после сражения, В. Н. Земцов убедительно показывает, что они воспринимали его результаты как победу, следствием которой должен был явиться долгожданный мир.

У работы масса других достоинств. Она написана хорошим языком. В ней приведено множество деталей, через которые только и может происходить «воскрешение» исторических персонажей. Автор часто вступает в полемику с предшественниками, и его точка зрения, как правило, хорошо аргументирована.

Естественно, что столь разноплановая работа вызывает замечания, которые объясняются масштабностью поставленных автором задач.

На мой взгляд, сама работа шире названия — «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении», — которое, видимо, можно было как-то скорректировать. В действительности Великая армия представлена нам и до сражения, и после, в многолетней, даже многовековой традиции.

Всегда очень интересны не только методологические предпочтения автора, но и те методические приемы работы с текстами, которые он использовал. Например, расчетам смысловых единиц, приведенным в конце, бесполезно было бы предпослать описание принципов и методик их выделения. Скажем, была ли выработка случайной, стратификационной, или какой-то третьей. Кстати, не вполне четко проартикулировано, для чего, собственно, был проделан приведенный контент-анализ и что из него следует.

Первая глава, опять-таки судя по названию, должна повествовать не только о национальных историографиях, но и о памяти. И здесь было бы уместно и в духе той же герменевтики, и тех же М. Фуко и Ж. Дерриды привести основные компоненты повседневного бытового, коллективного восприятия Бородина, то есть дать национальные мыслительные практики и курсы через их составляющие, а может быть, дать даже иерархии оценочных суждений.

Еще раз отмечая хороший литературный язык, заметим, что есть отдельные пассажи, выглядящие странно. Например, во второй главе монографии, в разделе, повествующем о достигшем армии известии о заговоре Мале в Париже, встречаешь фразу: «Конечно, было бы слишком наивным найти в письмах из Великой армии послание, где бы скрытый «филадельф» излагал свое мнение о заговоре Мале» (с. 211). Совершенно не понятно, что автор вкладывает в слово «филадельф», поскольку в дословном переводе оно означает «любящий сестру».

Наверно, можно найти еще, к чему можно придраться. Но не это главное в работе. Главное в ней сами люди, с их страхами, надеждами, переживаниями. В работе много имен, много героев, много поступков, много поведенческих ситуаций. Читать об этом историку, влюбленному в людей, а не в абстрактные понятия и процессы, одно удовольствие. Попробуйте, убедитесь сами.

С. В. Кондратьев